

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА **БОРИСА АКУНИНА**

«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

**РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

**И
БОРИС АКУНИН**
представляют

**БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА
«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»**

ВАЛЕНТИН ИВАНОВ

Русь изначальная
Русь Великая

ПАВЕЛ ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ

Евпраксия
Ярослав Мудрый

АНТОНИН ЛАДИНСКИЙ

Голубь над Понтом

ВЕРА ПАНОВА

Сказание об Ольге

БОРИС ВАСИЛЬЕВ

Вещий Олег
Владимир Красное Солнышко

ВАСИЛИЙ ЯН

Чингисхан
Батый

ИСАЙ КАЛАШНИКОВ

Жестокий век

ВАЛЕРИЙ ЯЗВИЦКИЙ

Иван III — государь всея Руси

АЛЕКСЕЙ ЮГОВ

Ратоборцы

ДМИТРИЙ БАЛАШОВ

Куликово поле
Степной закат

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

Князь Серебряный
Драматические произведения

ЛЕВ ЖДАНОВ

Царь Иоанн Грозный

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА **БОРИСА АКУНИНА**

«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

ЛЕВ
ЖДАНОВ

ЦАРЬ ИОАНН
ГРОЗНЫЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж42

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

*Библиотека проекта Бориса Акунина
«История Российского государства»
издается с 2014 года*

Серийное оформление — *Андрей Фerez*

Дизайн переплета — *Константин Парсаданян*

Жданов, Лев.

Ж42 Царь Иоанн Грозный : [роман] / Лев Жданов. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Библиотека проекта Б. Акунина «История Российского государства»).

ISBN 978-5-17-099063-4

Библиотека проекта «История Российского государства» — это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники мировой литературы, в которых отражена биография нашей страны, от самых ее истоков.

Представляем роман широко известного до революции беллетриста Льва Жданова, завоевавшего признание читателя своими историческими изысканиями, облеченными в занимательные и драматичные повествования. Его Иван IV мог остаться в веках как самый просвещенный и благочестивый правитель России, но жизнь в постоянной борьбе за власть среди интриг и кровавого насилия преподнесла венценосному ученику безжалостный урок — царю не позволено быть милосердным. И Русь получила иного самодержца, которого современники с ужасом называли Иван Мучитель, а потомки — Грозный.

**УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-17-099063-4

© В. Akunin, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ОТ АВТОРА

Не только в русской, но и во всей нелегendarной истории человечества образ царя Иоанна Грозного является одним из самых непонятных, разно-толкуемых.

В повести моей я попытался собрать все, что по древним летописям более или менее достоверно известно об этом государе, и пересказал в цельном виде, ни убавляя, ни прибавляя ничего существенно важного. Лишь кое-где, стараясь выяснить связь между событиями, воссоздавал и рисовал я не отмеченные в древних летописях звенья и картины, как сам их видел в своем воображении.

Если простым моим, непритязательным пересказом будут хотя немного выяснены личность и деяния жестокого, грозного, несомненно, но и всю свою жизнь несчастного правителя, я сочту, что выполнил хотя бы отчасти мудреную, трудную задачу, подсказанную мне ходом жизни и волею случая, того самого случая, который правит нами больше, чем мы желали бы допустить.

Все почти, кто не особенно подробно знакомился с историческим обликом царя Ивана, представляют его себе жестоким по природе, тираном, больным, безумным и бесчеловечным. Даже все доброе, чем отмечена известная «светлая пора» его царствования, общее мнение приписывает это заслугам Сильвестра и Адашева. Врожденное людям стрем-

ление к прекрасному присвоило помянутым двум деятелям сияние безукоризненных правителей народных, умевших управлять даже таким «нечеловеком», как Иван IV.

Между тем на деле не совсем так. Случайно попала мне на глаза выборка из небольшой рукописной хроники, гласящая, что ревнивый к власти, самодержец до мозга костей царь Иван поставил временно в цари крещеного татарского князька, Саина Бек-Булатовича, а сам почти три года жил на положении частного человека, «князя Ивана», и писал «челобитные» этому же своему ставленнику, царьку Симеону, подписывая их: «Твой раб Ивашка с детишками Иванцом и Федькой...»

Событие меня поразило. Я стал его разрабатывать, желая нарисовать этот непонятный и малоизвестный случай из бурного царения Ивана IV. Но чем глубже я вникал в древние рукописи, чем больше перечитывал обширную историческую литературу, созданную вокруг этого имени, тем больше новых, неожиданных выводов возникало и скоплялось в моем уме. В хрониках говорится, что годам к тринадцати в Иване развилась особенная жестокость: он мучал животных, сбрасывал их с высокого крыльца, из теремов, загонял лошадей... К тому же времени относится пора особенного угнетения, испытанного ребенком от Шуйских и других бояр. В это время сослан его наперсник Ф. Воронцов и многие другие. Письма самого Ивана свидетельствуют, как тяжело ему было сознавать в это время свое унижение.

Детство Ивана... Мы его почти не знаем, разве с внешней стороны. Он губил животных и даже людей, будучи еще ребенком. Почему? Как он рос? Как создавался его характер? Был ли он зверем от природы? Любил ли он искренно кого-нибудь когда-нибудь? Почему только известную кучку бояр, определенное число гнезд, родов княжеских и боярских «извел» Иван?*

---

* По хроникам и по двум Синодикам можно легко проследить, что кроме некоторых «ближних» людей, богатых безмерно или возбудивших подозрение в измене, Иван систематически изводил следующие, особенно беспокойные и опасные для него династии, княжеские роды: князей Ярославских, Кубенских, Сицких, Горбатовых-Суздальских, Морозовых, Тучко, Шаховских, Глебо-

к Пскову и Новгороду, к своим русским городам, когда Иван умел быть великодушным и с татарами, и с ливонскими врагами? Откуда и как явились Адашев и Сильвестр? Почему они пали? Эти и ряд других вопросов зародились во мне. Посильные ответы я постарался дать в своей книге. Насколько я прав, решит, конечно, суд критики и голос публики, который, как «глас народа» в его лучшем смысле, есть высший судья*.

Л. Ж.

вых-Засекиных, Прозоровских, Троекуровых и Сисеевых. Все это — потомки Владимира Мономаха, правнуки Давида и Василия Грозного, удельных князей Ярославских. По женской линии — они все потомки Ивана Калиты, дочь которого была женою Василия Грозного. Вот чего боялся Иван. Затем пали под его ударами князья Старицкие (последние удельные), Ростовские, Хохолковы, Гагарины (Рюриковичи), Кафтыревы-Ростовские и кн. Спячие (потомки князей Черниговских), Кропоткины (Смоленские), Шуйские — личные враги Ивана, Тулуповы, новгородские князья. Дашковы, Оболенские, Татищевы, Бабичевы, Цыплятевы, Дорогобужские и Бутурлины — вот все остальные знатные жертвы, отмеченные в Синодиках, кроме вышеперечисленных. Губить своих разбогатевших «чиновников» и богатых обывателей, чтобы забрать в казну их богатства, — это бесчеловечное, жестокое средство было в ходу и в Европе до очень недавнего времени. Новгород и Псков слишком озлили больного, жестокого царя, и он дал там волю своей дикой ярости. Затем идут имена казненных низших слуг Ивана и челяди опальных бояр. Замечательно, что в Синодиках Ивана нет двух имен Андрея Шуйского и митрополита Филиппа (Кольчева).

* Считаю нужным для интересующихся привести наиболее важные из источников, которыми я пользовался, кроме тех, какие помечены в тексте книги: К. Аксаков, Бантыш-Каменский, Бестужев-Рюмин, В. Белинский, Кавелин, Костомаров, Ключевский, А. Майков, Маскевич (Мемуары), Ковалевский П. (Псих. очерки), Погодин, проф. Платонов (лекции), А. Н. Попов, Небольсин, Тьеполо (Narratio), И. Толстой, Н. Кондаков (Русск. Древности), П. Самарин, проф. Сергеевич, Сибирские летописи (Кунгурские), кн. Щербатов (Ист. России), Хомяков.

Часть первая

ДЕТСТВО ЦАРЯ

Вместо пролога

ПОДНЕВОЛЬНАЯ СХИМНИЦА

Год от сотворения мира 7034 (1526)

Чудный осенний день почти на исходе. С ясного, прозрачно-синего неба ветер согнал последнюю тучку из их несметного полчища, которое чуть не две недели скрывало сияющий лик солнца от земли. И теперь лучи его, ласковые, нежащие, не жгут, как летом, но все пронизывают: и поределую листву дремучих лесов, которые с северо-запада подбежали почти к самым стенам дивно обновленного стольного, древнего града Москвы, и ветви отдельных старых деревьев, которые кудрявятся в больших тенистых садах. А сады с огородами обступают отовсюду обширные боярские жилища в самом Кремле и дома посадских да торговых людей. Посады эти московские широкой, темной, неправильной полосой деревянных строе- ний обежали, словно подковой обогнули Кремль и легли во- круг твердыни, поднимающей свои теремные и бойничные башни и золоченые главы церквей на крутом прибрежном холме. Золотыми, тонкими стрелами сыплются с неба лучи, пронизывают сквозные бойницы башен крепостных и узкие оконца церковных куполов, осеняющих новые, белокамен- ные храмы Господни. То загорится блик света на кистях красной, спелой рябины, что перекинулись, свесились че- рез садовый забор, над грязной колеей, в переулочке узком, и без ветерка колыхаются, ждут лишь первых заморозков, чтобы «дойти»... То скользнет лучом своим солнце и отра-

зится в широкой подорожной луже, блестящей и гладкой, как зеркало, не взбаламученной сейчас ногами прохожих или рябью от ветерка... И загорается зеркальная лужа; а зайчики от нее играют на соседней, на темной и мшистой стене и на темных дуплистых стволах. Это — липы столетние, как часовые, стоят в соседнем саду за надежным тыном, за палями острыми.

Даже в мрачные извороты и закоулки торговых рядов ухитряются заглянуть осенние ласковые, косые лучи в этот предвечерний час...

И среди затихающего торгового гомона и говора, среди суеты человеческой, которая так и кипит всегда в проходах между ларями, лавками и палатками, чем-то чистым и неземным отблескивают заблудившиеся золотистые нити лучей, скользящие по выступам бревенчатых строек, по щелистым рядам дощатых балаганов.

Усталые, мрачные или озлобленные лица людей, на которые падают эти лучи, сразу светлеют, словно проясняются внутренним светом. Морщины сглаживаются, брови распрямляются; невольно перестают хмуриться и торжники, и смерды, и господа — всякого звания люди, и с улыбкой произносят:

— Эка... и денек же нынче выдался... краше летнего!

И, словно воспрянув силой и духом, живее берется каждый за ту же работу, которую вяло выполнял за минуту перед тем, лишь бы довершить обычный дневной свой урок.

Особенно щедро осыпан лучами, обогрет теплом высокий Детинец московский.

Радостно сияют золотые главы церквей... Высокие звонницы облиты солнцем...

И печально, мерно несется с этих звонниц какой-то необычайный, словно похоронный перезвон.

Заслыша редкие, протяжные удары тяжело гудящих на больших колоколов, москвичи кто просто осеняет себя широким крестом и шепчет:

— Помилуй и спаси, Господи... защити достояние Твое!

Другие же обращаются к знакомым и незнакомым с тревожным вопросом:

— Что прилучилось? Али негаданно помер кто на княжом дворе?

— Помер? Не помер, а все едино; даже хуже... Постриг великой княгине дают... Ай не слышал? Не тутошний?

— Не! Слышать-то слышал... Да все не верилось? — отвечает вопрошающий и молча, тоже осенив себя крестом, проходит дальше.

Во всех кремлевских церквах — соборных и монастырских — началось служение. В набегающих сумерках под сводами храмов причудливо сверкают бледные призрачные сейчас огни паникадил и лампад и свечей у киотов... Где в окна сильнее ударяет свет погасающего дня, там огни, зажженные руками людскими, кажутся совершенно умирающими, бесцветными, беспламенными. Только в более темных углах, в приделах, за колоннами, багровое пламя светильен, сожигающих масло и воск, бросает трепетные полосы света и теней на все вокруг: на золотое и серебряное сияние венчиков у икон, на дорогие самоцветы и молочно-белую низь жемчуга, обрамляющего темные лики вместо окладов.

Душно, мрачно... и полутьма царит в обширной горнице, где совершается пострижение в инокини великой княгини Соломонии, двадцать долгих лет безупречно и мирно прожившей с великим князем Василием Ивановичем всяя Руси, а ныне — разведенной с супругом, так как не дал им Бог наследников — детей.

С тяжелым сердцем сидит князь у себя в горнице... слышит звон похоронный, что мерно несется над Москвой, сам думает: «Не мертвую хоронят, живую... Стольколетнюю любу мою... Как мирно-то прожили... Кроткая ведь, тихая была... Терпела все... Все прощала... Чем виновата, что Бог ее посетил бесплодием? Да ведь и царство мое не виновато тоже, надо сказать? Отцы и деды и я сам — на то ли кровь свою и ближних, и вражескую кровь ручьями лили, ночей не спали, зной, стужу выносили, чтобы все теперь братьям али племянникам отдавать? Нет, не будет того! Ино братья и своих уделов не умеют устроить! Где же им на Москве быть?»

И смахивает князь невольные слезы, набегающие ему на глаза.

Внутренним взором, минуя тесные, кривые переходы и лесенки теремные, проникает государь в большой, низкий покой с окнами в глубоких амбразурах, похожих на бойницы...

Там идет обряд пострижения.

Много здесь народа столпилось, все ближние люди и бояре Васильевы в полном наряде.

Тут и престарелый Иван Кубенский, князь, свояк государев, женатый на двоюродной сестре Василия; и Воронцов, тезка княжой, Василий Федорович, чей предок, Теодор Воронец — двести лет тому назад приехал от Варяжской земли на Русь... И доселе еще по обличью видно, что не славянин по роду князь Иван: темноволосый, быстрый, сухой весь...

И брат его здесь, Данилка. Князь Дорогобужский с ними же... И Федор, князь Овчина, роду Телепневых-Оболенских. Пониже старика местом, красуется дородный, статный, пригожий, кровь с молоком, родной сын его, юный княжич Иван Федорович. Этого особенно любит великий князь Василий. Много помогал он государю в сближении с намеченной новой супругой, красавицей литвинкой, Еленой Глинской.

Вельможный князь Бельский, Иван, ближний и родич и слуга царский, стоит чуть поодаль от всех. Видимо, тяжело князю глядеть на все, что сейчас происходит перед глазами. Но кроткий и справедливый боярин чтит волю цареву и пришел, поневоле глядит. Пальцы порою готовы ухватиться за рукоять широкого боевого меча, но тут же опомнится молодой, горячий воин и вспомнит, что не в доспехах, а в боярском наряде, безоружным явился он на эту печальную церемонию.

Нет среди этих вельмож одного из главнейших князя Курбского, Семена.

Не склонился князь безмолвно перед решением государя и приспешников его; стал настойчиво уговаривать Василия: не гнать от себя кроткой, святой женщины, ничем не повинной перед мужем.

И заплатился вечным изгнанием за такое свое правдолюбие.

Хуже еще досталось Вассиану, иноку Симонова монастыря, родом ставшему от Гедиминовичей, а из семьи он Патрикеевых.

В миру звался инок князем Василием Ивановичем, по прозванию — Косой. Пылкий, прямой, истый державный Гедиминович по крови, первую опалу снес он еще от Ивана III в ту пору, когда в 1449 году примкнул к сторонникам юного внука великокняжеского, Дмитрия, грудью стал против новшеств гречанки Софьи Палеолог, вступился за старый наследственный порядок, за права дружины княжеской, которыми грозил урон.

Желая на ближних явить пример строгости, Иван III и Василия Косого, и отца его, Ивана Патрикеева Большого, велел постричь.

Первый в совете и на войне Василий захотел одним из первых остаться и при своем невольном монашестве: принял схиму и удалился от мира; в глухой «пустыни» заперся старцем-молчальником на много лет. Оскорбленная, гордая душа решила порвать всякое общение с греховным миром, где не дали простору смелым порывам ее.

Прошло много лет. Воцарился все-таки Василий Иванович. Венчанный княжич, Дмитрий Углицкий был заточен, долго томился в темнице, а потом, по приказу бабки, и удушен там.

Воцарившийся на Москве великий князь Василий Иванович, сведав про святое житье родича своего Вассиана, забыл старую вражду, вызвал его в Москву и поместил в Симоновом монастыре, часто прибегая к нему за благословением и советом. Не изменился и в иноческой мантии прямой характер Вассиана. Он сурово восстал теперь против развода Василия с Соломонией. И сослал его вторично московский князь, но не в любимую стариком «мать-пустыню», а в Волоколамский Иосифов монастырь, отличавшийся суровым, тяжким уставом жизни и угрюмостью своих монахов. Покорные приказу великого князя